РУССКАЯ ИДЕЯ ФЕДОРА АБРАМОВА

Он был прозаиком-«деревенщиком» и публицистом-«западником»

Независимая газета. – 2000, – 17 марта. – с. 9, 10

Надежда Ажгихина

ОН ПОЯВИЛСЯ на свет 29 февраля в зимней избе на берегу замерзшей реки Пинеги, в старинной деревне, затерянной между северных болот и лесов, куда издавна бежали разбойники и староверы и где не каждое лето успевал созреть урожай. Деревня называлась Веркола. Одно из многих преданий говорит, что давным-давно средневековые новгородцы, плывшие на челнах по Пинеге в край «чуди белоглазой», населявшей некогда архангельские земли, именно на этом берегу вбили «верхний кол» – северную границу русских владений. В 70–80-х годах название деревни довольно часто возникало в литературной журналистике в связи с «пекашинской эпопеей» Абрамова (в пекашинцах и критики, и жители села угадывали верковцев). Сюда нередко приезжали и гости – знакомые и поклонники творчества писателя, молодые филологи-фольклористы, однажды – почти в полном составе ленинградская труппа Льва Додина (работали тогда над абрамовскими текстами, весь месяц провели в селе, «погружаясь» в материал).

Сегодня о писателе вспоминают редко. Иные авторы привычно зачисляют Абрамова в ратники борьбы за «русскую идею», иные просто позабыли, как и многих других литераторов, живших и умерших в поздние советские годы. Современные студенты практически не знакомы с его текстами, имя его не присутствует в полемике. А напрасно. Присмотревшись повнимательнее к основным вехам творческого пути Абрамова, к темам и сюжетам, волновавшим его в последние годы жизни, трудно не убедиться в том, что его напряженный поиск истины, его мысли о сути народного характера, о судьбе России как нельзя более актуальны.

УЧЕНИК ЭЙХЕНБАУМА И ЖИРМУНСКОГО

Биография писателя хорошо известна, основные ее события созвучны эпохе. Федор Александрович был пятым ребенком в бедной семье, рано остался без отца, работать начал раньше, чем читать. «Ребячья коммуния» Абрамовых под руководством матери поддерживала небольшое хозяйство, которое коллективизаторы под горячую руку определили как середняцкое. Федора как сына середнячки не хотели брать в 5-й класс новой школы. О достатке середняцкого сына в те годы красноречиво свидетельствуют письма в сельсовет с просьбой выделить детям одежду и обувь к зиме (*«хотя бы по одной паре на двоих, не в чем ходить в школу»*. – Архив Веркольского литературно-мемориального музея, 1930–1931. Папка «Содействия всеобучу» № 1). Паровоз впервые он увидел в 16 лет, когда поехал в райцентр.

Ему везло. Первое везение было – Ленинградский университет, куда он поступил на филологический факультет. Занимался у Жирмунского, Эйхенбаума. Недосыпал, жадно поглощая новые знания о литературе, живописи, градостроительстве, дружил с ленинградскими мальчиками из интеллигентных семей. Благодаря стараниям некоторых «патриотически настроенных» критиков Абрамова нередко рисовали эдаким посконным мужиком, не испорченным западной цивилизацией. Это не так – с самых первых дней студенчества и до смерти он не только высоко ценил европейскую культуру, но и неустанно «пополнял багаж», о чем говорят записи дневников, свидетельства очевидцев. Когда в галерее Уффици во Флоренции не оказалось русскоговорящего гида, Абрамов экспромтом провел экскурсию для группы из Литфонда.

Как многие сверстники, воевал. «Самая большая редкость в моей жизни – это то, что я прошел войну и остался жив», – писал он в дневнике. Вместе с другими второкурсниками мобилизовался, лежал под обстрелом в Синявинских болотах с одной винтовкой на десятерых. С тяжелым ранением лежал в блокадном госпитале – грозила ампутация ноги. Но опять повезло: женщина-врач, похожая на тень, отказалась ампутировать ногу и вместо этого назначила мясные шарики дважды в день. Потом его везли по Дороге жизни, по ладожскому льду, снова под обстрелом. Машина, шедшая впереди, затонула, машина позади – тоже... Поправившись, Абрамов вернулся в строй. Служил в СМЕРШе, об этом времени никаких точных данных нет. Вдова писателя рассказывала мне, что в архиве сохранились наброски к повести «Кто он?», основанной на событиях той поры.

После демобилизации Федор Александрович возвратился в ЛГУ, защитил диплом и был оставлен в аспирантуре при кафедре советской литературы, которую через несколько лет и возглавил. Такая биография могла быть у партийного функционера, чиновника от литературы и науки. Но в характере и поступках Абрамова всегда было нечто выламывающееся из общего ряда, из благонамеренной советской лояльности.

Еще в аспирантуре влюбился в женщину, тоже аспирантку, побывавшую в оккупации. Партийное руководство университета имело свои виды на молодого фронтовика и приняло воспитательные меры (впереди такая карьера, мало, что ли, невест?). Абрамов от карьеры партработника отказался. А официальный брак с Людмилой Владимировной Крутиковой (кстати, одним из первых специалистов по творчеству Бунина) зарегистрировал только через много лет, в 70-х, когда вместе собирались за границу.

Первая же серьезная публикация молодого литературоведа произвела скандал. Трудно сказать, то ли в ней проявился впервые абрамовский темперамент, то ли последующие события оформили характер автора. Но совершенно определенно, что в становлении и судьбе будущего литератора сыграла роль личность первого редактора – это был А.Т. Твардовский.

ПРОТИВ НИКОЛАЕВЫХ И БАБАЕВСКИХ

«Я начинал как критик и литературовед. Должен сказать, я не очень преуспел в этом, мои первые работы были серые, посредственные. Но одна работа – одна работа в этом плане мне удалась» (Ф. Абрамов. «Писательство влекло меня в детства», «Журналист», 1989, № 3, стр. 93). Это сказано о статье «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», переданной автором в редакцию «Нового мира» в начале 1954 года (по предложению А.Г. Дементьева, который работу в «Новом мире» совмещал с доцентством в ЛГУ) и опубликованной в № 4 за 1954 год. На ее страницах молодой критик обрушивался на известные, увенчанные сталинскими премиями романы уважаемых авторов – «Жатва» Г.Николаевой, «Кавалер Золотой Звезды» С.Бабаевского и других, обличая далекую от правды жизни «лакировку действительности», ходульность характеров персонажей, незнание азов сельского быта, уклада и работы. *«Только правда – прямая и нелицеприятная»* – таков был лейтмотив статьи (Новый мир, 1954, № 4, с. 214).

Абрамов предлагал литературе взглянуть на жизнь глазами самого труженика и прямо говорил о трудностях села, о том, что крестьяне достойны более внимательного и сочувственного отношения общества. Мысли по тому времени вполне революционные (И.Золотусский вспоминал: «на нашем курсе все читали Абрамова, «Новый мир» передавался из рук в руки»). Статья «Люди колхозной деревни в послевоенный прозе» продолжала новаторскую линию в области литературной критики, именно в эти годы на страницах журнала появлялись статьи М.Щеглова, В.Померанцева, М.Лифшица, предлагающие нетрадиционный для насквозь пропитанного идеологией литературоведения той поры подход к оценке и восприятию искусства – прежде всего как именно искусства.

Официальный литературный «генералитет» отреагировал довольно оперативно. «Спекулируя на некоторых действительно серьезных недостатках наших писателей, – говорилось в статье журнала «Коммунист», – авторы названных статей (Померанцев, Лифшиц, Абрамов, Щеглов. – **Н.А.**) попытались с чуждых нам позиций пересмотреть основные незыблемые принципы советского искусства, завоеванные в борьбе и подтвержденные опытом развития советской литературы» (В.Иванов, И.Черноуцап. «Литературоведение и критика – важнейший участок идеологической работы». Коммунист, 1954, № 14, с. 94–95). Одной этой статьи было вполне достаточно, чтобы перечеркнуть будущее молодого автора. А ведь были и другие – в «Литературной газете», «Октябре», даже в университетской многотиражке была, в частности, отмечена и «форма несогласия с тем, как в нашей действительности шли и идут дела», и «мрачный пафос озлобленного нигилиста (А.Сурков, «Идейное вооружение литературы», Октябрь, 1954, № 7, с. 145). В ЛГУ проходили партийные собрания, осуждавшие автора статьи, партийные собрания ленинградских писателей осудили уже всю кафедру советской литературы, даже секретарь ленинградского обкома партии Ф. Козлов упомянул в докладе о «порочной статье Абрамова».

Но были и другие отклики – в ЦГАЛИ, в папках материалов «Нового мира» хранятся читательские письма, продолжающие и развивающие начатый Абрамовым разговор. Им не суждено было увидеть свет, травля журнала продолжалась, и вскоре А.Т. Твардовский был отстранен от руководства «Новым миром».

Новая встреча редактора и писателя состоялась только в 1968-м, когда Абрамов принес в журнал рукопись романа «Две зимы и три лета». К этому времени за ним уже закрепился ярлык «неблагонадежного» автора, без малого пять лет как отлученного от издательств и редакций. Причиной стала публикация очерковой повести «Вокруг да около» в №1 журнала «Нева» в 1963 г.

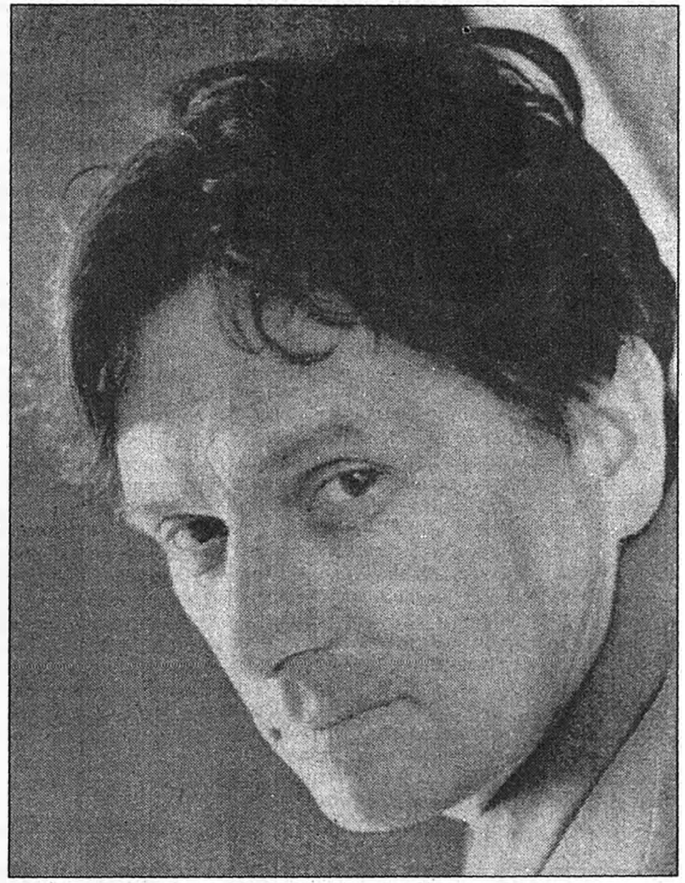
Статья же «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» была неоднократно редактируема писателем для публикации в собрании сочинений – но в прижизненных изданиях она больше так и не появилась.

ПАМЯТИ РЯДОВОГО КОЛХОЗНИКА

Повесть посвящена *«памяти брата Михаила, рядового колхозника»*, несет в себе отголоски и дискуссии 50-х и споров «оттепели», содержит ассоциации с «Районными буднями» В.Овечкина, «Вологодской свадьбой» А.Яшина.

Сюжет прост: тринадцатый по счету председатель нищего колхоза «Новая жизнь» (бывшее село «Богатка») идет по дворам уговаривать односельчан выйти на заготовку силоса вместо сена (что было бы по погоде) –

(Окончание на стр. 10)



Федор Абрамов.